

В рамках дискуссии

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-159-184

Упущенное партнерство: Россия и США на Тихом океане

Дмитрий Вячеславович СУСЛОВ

заместитель директора, Центр комплексных европейских и международных исследований факультета мировой экономики и мировой политики Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 119017, ул. Малая Ордынка, д. 17, Москва, Российская Федерация
E-mail: dvsuslov@hse.ru
ORCID: 0000-0001-9353-8798

ЦИТИРОВАНИЕ: Суслов Д.В. (2019) Упущенное партнерство: Россия и США на Тихом океане // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 1. С. 159–184. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-159-184

Статья поступила в редакцию 29.12.2018.

АННОТАЦИЯ. *И Россия, и США рассматривают Азиатско-Тихоокеанский регион как центр мировой экономики и политики и считают активное присутствие в нем важным для своего международного положения и экономического развития. Они не имели там таких острых противоречий, как в Европе или на постсоветском пространстве. Более того, некоторые интересы России и США в АТР совпадают – как, например, предотвращение китайской гегемонии. В этой связи российско-американский диалог и сотрудничество в АТР могли бы стать важной опорой позитивной повестки дня их отношений и фактором их устойчивости, способным предотвратить или по крайней мере смягчить то ухудшение, которое началось между ними с 2011 г. (война в Ливии) и особенно начиная с 2014 г. (кризис на Украине, военная операция России в Сирии и обвинения Москвы во вмешательстве в президентские выборы в США 2016 г.). Из-за внешнеполитической инерции, негибкости повестки дня российско-американских отношений и неспособности сторон выйти за рамки привычного ша-*

блона подобный диалог даже не начался. Обе стороны продемонстрировали стратегическую близорукость. Это ослабило устойчивость американо-российских отношений перед новыми вызовами и ускорило их ухудшение и срыв в новую конфронтацию. АТР же стал еще одним театром американо-российской системной конфронтации. Однако в интересах и России, и США все же свести их конфронтацию в регионе к минимуму и рассматривать отношения в АТР отдельно от других театров взаимодействия. Это создаст благоприятные условия для выстраивания Россией сбалансированной системы партнерств в АТР, что необходимо для консолидации ее роли независимой глобальной великой державы. Кроме того, российско-американский диалог по АТР или по крайней мере ослабление их конфронтации в этом регионе сократит его поляризацию и предотвратит напряженность между США и их азиатскими союзниками и партнерами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *отношения России и США, АТР, Китай, международная безопасность, внешняя политика России*

Американский «поворот к АТР» и роль России

США несколько десятилетий были неотъемлемой частью экономики региона и центральным элементом его системы безопасности. Они обладают системой военных союзов (Япония, Южная Корея, Австралия, Филиппины, Таиланд и Пакистан, а также договор о военном сотрудничестве с Тайванем), выстраивают партнерство с другими странами региона, участвуют в региональных форумах безопасности (Восточноазиатский саммит) и имеют глубокую экономическую взаимозависимость с Китаем.

В этой связи задачей американского «поворота» была не столько интеграция в АТР, сколько укрепление там экономического и международно-политического порядка с центральной ролью США и предотвращение того, чтобы эти порядки сформировал Китай. Госсекретарь Х. Клинтон сформулировала шесть приоритетов новой стратегии США в АТР: «укрепление двусторонних оборонных альянсов; углубление отношений с динамично развивающимися державами, включая Китай; взаимодействие с региональными многосторонними институтами; расширение торговли и инвестиций; обеспечение широкомасштабного военного присутствия; продвижение демократии и прав человека» [Clinton 2011]. С самого начала эта стратегия имела два основных аспекта – безопасность и экономику.

По вопросам безопасности эта стратегия состояла, во-первых, в укреплении военных альянсов с Японией, Южной Кореей, Филиппинами и Австралией, доверяя к США как к надежному союзнику и впечатления, что Вашингтон намерен и способен уравновесить китайскую мощь в регионе. США договорились о создании новой военной базы в австралийском Дарвине, а также зая-

вили, что их оборонные обязательства в отношении Японии распространяются на спорные с Китаем острова Сенкаку, и попытались оживить сотрудничество по вопросам безопасности с Филиппинами.

Во-вторых, США активизировали формирование новых партнерств, особенно со странами, обеспокоенными усилением и наступательной политикой Китая: Вьетнамом, Индией, Индонезией и Сингапуром.

В-третьих, США нарастили военное присутствие и активность в Восточной и Юго-Восточной Азии и зримо повысили значение ЮВА в своей азиатской стратегии [Charap, Drennan, Kanaev, Lukonin, Mikheev, Shvydko, Voda, Voitovsky 2016]. Уже в 2011 г. США начали отмечать растущее значение Индийского океана и самой Индии для геополитики в АТР [Clinton 2011].

В-четвертых, США нарастили взаимодействие с региональными многосторонними институтами, прежде всего АСЕАН и связанными с ней диалогами по вопросам безопасности, такими как Региональный форум АСЕАН, совещание министров обороны АСЕАН+ и Восточноазиатский саммит. Это позволило США представить свою вовлеченность в процессы ЮВА в более гармоничном для региона виде и позиционироваться как органичный компонент региональной архитектуры: АСЕАНоцентризм традиционно считается основой инклюзивной архитектуры безопасности региона.

Пятым компонентом были отношения с Китаем. Описанные выше меры, безусловно, означали усиление сдерживания КНР. С 2011–2012 гг. администрация Обамы начала рассматривать именно китайскую военную политику в качестве основной детерминанты оборонной стратегии США. Этот подход, в частности, проявился в документе Strategic Defense Guidance, опубликованном

в январе 2012 г. в качестве концептуальной основы для предстоявшего снижения военных расходов и корректировки приоритетов оборонной политики¹.

Вместе с тем администрация Обама не отказалась от вовлечения Китая и фактически продолжила традиционный двуединый подход США – к некоторому разочарованию отдельных союзников, прежде всего Японии. Большой упор на военное и дипломатическое сдерживание (прежде всего в отношении китайских амбиций в Южно-Китайском море) сопрягался с более энергичными попытками вовлечь Пекин в диалог по безопасности и решать связанные с его военной политикой вопросы посредством сотрудничества. В соответствии с преобладавшей в администрации Обамы парадигмой, политика, основанная только на сдерживании, неприемлема и контрпродуктивна. В конце концов, намерением Вашингтона в то время было вовлечь Китай в американоцентричный порядок в регионе, а не изолировать его.

Экономическая составляющая американской стратегии «ребалансирования» базировалась на проекте Транстихоокеанского партнерства (далее – ТТП), углублении экономических диалогов с АСЕАН и асеаноцентричными форматами, а также на развитии экономического диалога с Китаем.

Администрация Обамы рассматривала ТТП как центральную составляющую желательного экономического порядка в АТР. Проект касался не только либерализации торговли, но и, главным образом, экономического управления: регулирования, интеллектуальной собственности, инвестиций и производ-

ственных цепочек. С помощью правил ТТП США стремились создать выгодный для себя экономический порядок и перераспределить относительные экономические выгоды снова в свою пользу (существовавшие на тот момент правила больше благоприятствовали Китаю). Исключение Пекина из переговоров не преследовало цель навсегда отрезать его от ориентированного на США порядка, создать в регионе линии разлома. Напротив, США ожидали, что ТТП, на 12 первоначальных членов которого приходилось порядка 40% мирового ВВП, станет настолько доминирующим и привлекательным с точки зрения регулирования экономических отношений в АТР, что у Китая не будет иного выбора, кроме как присоединиться – но уже «к правилам, написанным в Вашингтоне»², а не им или совместно с ним.

Россия в той американской стратегии отсутствовала вообще. Это не было связано с намерением исключить ее или изолировать. Скорее, она просто не воспринималась как значимый игрок в АТР.

Хотя такое восприятие было очевидно, учитывая скромные объемы вовлеченности России в экономические и политические процессы в АТР на 2011 г., оно представляется недальновидным. Уже в 2001 г. Россия установила прочное стратегическое партнерство с Китаем, и к 2011 г. их двусторонние отношения были одними из самых лучших для как Москвы, так и для Пекина. Более того, к 2011 г. стремление России играть более активную роль в АТР было уже очевидным: она присоединилась к Восточноазиатскому саммиту одновременно с США в 2011 г.

1 Sustaining US Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense (2012) // U.S. Department of Defense, January 2012 // http://archive.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf, дата обращения 31.01.2019.

2 President Obama: The TPP Would Let America, not China, Lead the Way on Global Trade (2016) // Washington Post, May 2, 2016 // https://www.washingtonpost.com/opinions/president-obama-the-tpp-would-let-america-not-china-lead-the-way-on-global-trade/2016/05/02/680540e4-0fd0-11e6-93ae-50921721165d_story.html?utm_term=.fff84238aedc, дата обращения 31.01.2019.

(при этом заявляла о стремлении стать его членом с самого основания форума в 2005 г.), все более активно участвовала в работе АТЭС и собиралась провести саммит этой организации во Владивостоке в 2012 г.

Одна из главных причин, по которой США не захотели видеть в России существенного игрока на Тихом океане, – глубокая вера большинства американской внешнеполитической элиты, что Россия и Китай являются естественными соперниками и рано или поздно их столкновение неизбежно произойдет. По их мнению, российско-китайское сближение 2000–2010-х гг. было временным «браком по расчету», вызванным внешними причинами (желание ослабить роль США в Центральной Азии и противостоять их гегемонистской политике в целом), и неизбежно обрушится. Хотя в американской науке есть и более сбалансированный и глубокий взгляд на российско-китайские отношения [Bolt, Cross 2018], подход, описанный выше, все же превалирует, особенно в экспертно-публицистических работах [Lo 2008; Lo 2015; Lo, Hill 2013; Shapiro 2017; Putz 2016].

Этот подход разделяют ведущие политики и государственные деятели США. Так, выступая на Диалоге Шангри-Ла в 2018 г., тогдашний министр обороны США Джеймс Мэттис охарактеризовал российско-китайские отношения как «естественное несовпадение интересов». По его словам, «объективный факт, что у России боль-

ше общего с Западной Европой и США, чем с Китаем. Китай же, я считаю, имеет больше общего с тихоокеанскими странами, Соединенными Штатами и Индией, чем с Россией»³.

Эта парадигма базируется на нескольких факторах. Прежде всего, это растущая асимметрия между Россией и Китаем в экономике и демографии, которая, по мнению западных политиков и экспертов, должна заставить Россию бояться восточного гиганта. Причем по мнению ряда западных наблюдателей, Москва уже пыталась ограничить китайскую экономическую «экспансию» на российском рынке, особенно на Дальнем Востоке, и намеренно затягивала создание специальных экономических зон вдоль российско-китайской границы [Rousseau 2013].

Второй фактор – это небесконфликтная история отношений России и КНР. За исключением 1950-х гг., на протяжении большей части холодной войны (с 1960-х до конца 1980-х гг.) советско-китайские отношения были враждебными, и даже имело место прямое военное столкновение на о. Даманский в 1969 г.

Третий фактор – это общее соседство России и Китая и быстрый рост китайского экономического проникновения в Центральную Азию, традиционно рассматриваемую Россией как ее «задний двор». По данным за 2017 г., Китай опередил Россию в качестве основного торгового партнера Туркменистана⁴, Узбекистана⁵ и Киргизии⁶. Это, по мнению США, должно вести за со-

3 Remarks by Secretary Mattis at Plenary Session of the 2018 Shangri-La Dialogue (2018) // U.S. Department of Defense, June 2, 2018 // <https://www.defense.gov/News/Transcripts/Transcript-View/Article/1538599/remarks-by-secretary-mattis-at-plenary-session-of-the-2018-shangri-la-dialogue/>, дата обращения 31.01.2019.

4 Внешняя торговля Туркменистана показала позитивные тенденции – эксперт (2018) // СНГ. Сегодня. 9 февраля 2018 // <https://sng.today/ashkhabad/6035-vneshnyaya-torgovlya-turkmenistana-pokazala-positivnye-tendencii-ekspert.html>, дата обращения 31.01.2019.

5 По итогам 2017 года Узбекистан нарастил объем внешней торговли (2018) // ИА Фергана. 15 января 2018 // <https://www.fergananews.com/news/27890>, дата обращения 31.01.2019.

6 Kyrgyz Republic Trade at a Glance: Most Recent Values // World Integrated Trade Solution // <https://wits.worldbank.org/CountrySnapshot/en/KGZ>, дата обращения 31.01.2019.

бой рост китайского политического влияния, а потому неизбежно спровоцировать его геополитическое соперничество с Россией, весьма похожее на то, что имеет место между Россией и Западом вокруг Украины и других западных регионов бывшего СССР.

Все это контрастирует с интенсивностью и глубиной американо-китайских отношений, которые обе стороны считают более важными, чем их связи с Россией. Американо-китайский товарооборот составляет 635 млрд долл., и обе стороны традиционно рассматривали свои экономические отношения как жизненно важные для развития и процветания. В политическом плане США и Китай традиционно считали их ключевыми для решения таких глобальных вопросов, как мировое экономическое регулирование, борьба с изменением климата, обеспечение морского судоходства в Тихом океане. Несмотря на то что Китай требует большей роли в ключевых институтах глобального экономического управления, он по-прежнему заинтересован в сохранении либерального экономического порядка, прежде всего системы свободной торговли, созданной США и в значительной степени базирующейся на контролируемых ими режимах и институтах.

В результате в США возобладало мнение, что учитывать российский фактор при разработке и реализации их политики в отношении Китая и АТР не обязательно, а российско-китайское сотрудничество глобальному лидерству, гегемонии и региональному присутствию Америки не стоит рассматривать как стратегическую угрозу. Пекин, согласно этой логике, не станет рисковать отношениями с Вашингтоном ради некой глобальной «антиамериканской» коалиции с Москвой.

Хотя некоторые из этих аргументов могут быть правильными сами по се-

бе, такой нарратив в целом ошибочен. Он переоценивает негативные последствия нарастающей российско-китайской асимметрии и игнорирует способность управлять ею. Это управление вызывает восхищение и, возможно, даже уникально в современных международных отношениях: в официальном диалоге России и КНР нет ни намека на нее, и обе стороны строго придерживаются принципов равноправия и учета интересов друг друга. Указанный нарратив игнорирует многие общие интересы Москвы и Пекина.

Так, тезис о российско-китайском соперничестве в Центральной Азии упускает из виду важнейший фактор: расширение китайской торговли со странами региона и их задолженность перед КНР не подрывают основные столпы российского влияния – Евразийский экономический союз (на момент провозглашения «поворота» США к АТР – Таможенный союз), Организацию Договора о коллективной безопасности и зависимость центральноазиатских государств от российского рынка труда. Китай никогда не требовал от стран Центральной Азии выбирать между собой и Россией и не ставил под сомнение их участие в ориентированных на РФ структурах. Напротив, и Россия, и Китай заинтересованы в политической стабильности, экономическом развитии этих стран и в сокращении присутствия и влияния США в регионе и рассматривают политику друг друга как содействующую реализации этого интереса и взаимодополняющую.

Наконец, аргументы скептиков не учитывают, что стратегическая зависимость России от Китая ничуть не меньше, чем зависимость Китая от России. Россия для Китая – единственная по-настоящему дружественная великая держава и сосед. Если Москва вернется к западнцентричной политике или просто ухудшит отношения с Пекином,

Китай окажется окруженным недружественными государствами, что станет для него геополитическим кошмаром. С этой точки зрения Пекин, вероятно, продолжит «обхаживать» Москву даже при дальнейшем усилении асимметрии между ними [Krickovic 2017].

Следует отметить, что в американском дискурсе существует и противоположное мнение – рассматривать российско-китайское партнерство как системно и идеологически антизападный альянс [Rozman 2014; Schoen, Kaylan 2014]. Оно также некорректно: игнорируется масштаб зависимости Китая от США и управляемого ими экономического порядка и его нежелание формировать системную оппозицию этому порядку; не учитывается приверженность России и Китая стратегической независимости, не ограниченной какими-либо великодержавными альянсами.

Российский «поворот на Восток» и роль США

На Западе широко распространено мнение, что «поворот России на Восток» был лишь реакцией на ухудшение ее отношений с США и ЕС, произошедшее в 2014 г. и оказавшееся гораздо более глубоким и долгим, чем некоторые изначально предполагали в Москве. С этой точки зрения, Россия легко откажется от «поворота», как только ее отношения с Западом вновь улучшатся. Однако подобное вряд ли произойдет. Москва начала смещать баланс своей внешней политики в сторону Азии еще за два года до украинского кризиса, реагируя на превращение АТР в эпицентр мировой экономики и политики.

Также как и США, Россия понимала, что в новых глобальных условиях сохранение и укрепление статуса и роли независимого глобального центра силы зависит от участия в АТР, тогда как изо-

ляция от него создаст риск глобальной маргинализации. Поскольку же Россия изначально была гораздо менее интегрирована в экономические и политические процессы в регионе, чем США, стратегия ее «поворота» была скромнее американской.

В целом эта стратегия состояла из трех компонентов: дальнейшее укрепление стратегического партнерства с Китаем; балансирование этого партнерства интенсификацией отношений с другими азиатскими странами и международными институтами и тем самым позиционирование себя как независимого тихоокеанского игрока; и, самое главное, развитие российского Дальнего Востока.

Стремление России к укреплению стратегического партнерства с Китаем абсолютно естественно и связано с несколькими факторами. Во-первых, географический: российско-китайская граница – вторая по протяженности для России после границы с Казахстаном. Во-вторых, экономический: подъем Китая как главный фактор становления АТР эпицентром мировой экономики и политики и превращение КНР в главного экономического партнера большинства азиатских стран и узла экономических и политических процессов в регионе. Уже в 2010 г. Китай обогнал Германию в качестве крупнейшего торгового партнера России среди национальных государств.

Третий фактор стал результатом первых двух: как региональной экономической сверхдержаве и соседу Китаю было естественно играть ключевую роль в развитии российского Дальнего Востока, большую, чем любой другой стране АТР.

В-четвертых, Москва с помощью дружественных отношений стремилась управлять растущей российско-китайской асимметрией и была заинтересована зафиксировать новый уровень и

правила стратегического партнерства до того, как Китай усилится в еще большей степени. Враждебные отношения с могучим соседом стали бы, пожалуй, самым масштабным вызовом безопасности России.

Наконец, пятый фактор – большое количество общих интересов РФ и КНР как на глобальном (сотрудничество в СБ ООН, реформирование институтов глобального управления, противодействие гегемонистской политике США), так и на региональном (политическая стабильность и экономическое развитие Центральной Азии, ослабление там американского влияния) уровнях.

Вместе с тем Россия с самого начала давала понять, что ее «поворот к Азии» не является лишь поворотом к Китаю. Последнее обрекло бы ее на положение младшего партнера, что противоречит одной из основополагающих внешнеполитических традиций и принципов России: положение независимой великой державы, не участвующей в чужих порядках безопасности и интеграционных проектах и выстраивающей отношения с другими центрами силы на основе равноправия. Позиционирование России как независимой державы на Тихом океане требовало интенсификации сотрудничества с другими азиатскими странами (Япония, Индия, Южная Корея, страны АСЕАН), а также организациями и форумами, прежде всего асеаноцентричными [Lukin 2018].

Главным экономическим обоснованием российского «поворота на Восток» было развитие Дальнего Востока посредством интенсивной интеграции в региональные процессы. Росло понимание, что эта обширная, но экономически слаборазвитая и малонаселенная территория, исторически рассматриваемая как глубокая периферия, станет либо огромной обузой России, а со временем, возможно, даже источником конфликтов в отношениях с со-

седями (например, Китаем), либо мощным драйвером экономического развития и фактором силы России в XXI в. Поскольку разрыв в уровне развития с большинством других регионов Азии становился все больше, медлить было нельзя. Ускоренное развитие Дальнего Востока становилось вопросом не просто статуса России, но и ее территориальной целостности. Вместе с тем было ясно, что внутренних российских ресурсов для обеспечения этого развития не хватает, и выходом будет интеграция в региональные процессы, вовлечение тихоокеанских государств и использование их капитала, технологий и рынков.

Во внешней политике это предполагало очень активное взаимодействие со странами АТР – чем больше, тем лучше. Это и двусторонние и многосторонние соглашения по вопросам торговли, инвестиций и экономических связей в целом, активное участие в продвигаемой АТЭС и АСЕАН повестке дня по вопросам взаимосвязанности и экономического сотрудничества в регионе, а также поддержание баланса между Китаем и другими азиатскими странами по части их вовлеченности в проекты развития Дальнего Востока.

Однако вплоть до украинского кризиса 2014 г. практическая реализация данной стратегии шла медленно и неорганизованно. Как только саммит АТЭС во Владивостоке закончился, внимание Москвы к региону заметно пошло на спад. Россия долгое время не могла назначить постоянного посла при штаб-квартире АСЕАН, а российский президент систематически пропускал Восточноазиатский саммит, направляя вместо себя либо премьер-министра, либо, чаще, министра иностранных дел. Довольно медленно шло продвижение проектов развития Дальнего Востока и привлечение инвестиций из азиатских стран и компаний – из-за от-

сутствия опыта, культурных различий и преобладающей европейской ориентации российской бизнес-элиты. Министерство по развитию Дальнего Востока создано в мае 2012 г., но на старте его деятельность была малоэффективной: утвержденная в марте 2013 г. государственная программа социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона уже через полгода было признана устаревшей [Караганов 2014].

Что касается российского экспорта в АТР, то основной упор делался на энергетику. Российское правительство, конечно, пыталось продвигать экспорт продукции сельского хозяйства и позиционировать Дальний Восток как сельскохозяйственный резервуар для региона, но, несмотря на растущий спрос на продовольствие и водоемкую продукцию в Китае и других азиатских странах, эти усилия не приносили большого успеха.

Урегулирование территориального спора с Японией стояло на месте, ограничивая перспективы сотрудничества России с одним из ключевых игроков региона. Среди государств Юго-Восточной Азии России удалось активизировать экономическое и военно-техническое сотрудничество с Вьетнамом. Это было особенно важным как демонстрация автономии Москвы от Пекина, который не скрывал своего разочарования растущим российско-вьетнамским взаимодействием, в том числе в Южно-Китайском море. С другими же странами ЮВА отношения развивались куда медленнее, хотя Россия предлагала усилия, чтобы активизировать поставки оружия в Таиланд, Лаос, Индонезию и Малайзию, – несмотря на явное неудовольствие со стороны Китая. Отношения с Индией развивались достаточно успешно и последовательно, но были большей частью оторваны от более широкого азиатского контекста и

носили преимущественно двусторонний характер.

В результате многие азиатские страны просто не воспринимали российский «поворот на Восток» всерьез и не рассматривали Москву как надежного и заслуживающего доверия партнера. Более того, поскольку значительная часть ее реального взаимодействия с Азией приходилась на двусторонние связи с КНР, некоторые страны региона (прежде всего в Юго-Восточной Азии) стали рассматривать Россию как своего рода младшего партнера или в лучшем случае участника тандема с КНР, а не как независимый центр силы. Действительно, товарооборот России с Китаем более чем в два раза превосходил ее торговлю с остальными странами Азии вместе взятыми; Китай был основным партнером в проектах развития Дальнего Востока; политический диалог Москвы и Пекина был куда более интенсивным, а внешнеполитическая координация более тесной, чем с любым другим государством в АТР.

Наконец, дисбаланс в российской политике в сторону Китая и отсутствие реального наполнения остальных компонентов стратегии «поворота на Восток», особенно на начальных этапах, способствовали восприятию России Соединенными Штатами как сугубо европейской державы, имеющей к АТР мало отношения. США попросту не обращали внимания на российскую риторику о «повороте», расценивая ее как нечто несерьезное. Как отмечали специалисты по России Бобо Ло и Фиона Хилл, «К сожалению для Путина, возможности Москвы воплотить мечты о повороте в жизнь ограничены», и «Вкратце, российский поворот – не столько политика, сколько разговоры» [Lo, Hill 2013].

Если отказ США отвести какое-либо место России в их политике «поворота» к АТР еще можно хотя бы отчас-

ти оправдать объективно маргинальную ролью Москвы в регионе, особенно за пределами отношений с Китаем, на момент провозглашения этой политики, то неспособность России уделить важное внимание США в ее собственном «повороте» представляется непростительной ошибкой. Место, которое Москва определила Вашингтону в ее новой политике в АТР, поразительно не соответствовало тому положению, которое США занимали в региональной экономической системе и системе безопасности. Даже если Россия не поддерживала значительную часть американской политики, она все равно была обречена сталкиваться с американским фактором и присутствием почти в каждом значимом тихоокеанском вопросе или процессе.

В стратегическом плане неспособность наладить диалог с США по АТР ослабляла потенциал России как независимой державы региона и перспективы признать ее таковой остальными тихоокеанскими странами. Это уменьшало и потенциал сотрудничества с союзниками и партнерами США, коими являются большинство стран АТР. Тем самым Москва усилила одностороннюю зависимость от Китая (который, кстати, вел очень интенсивный диалог с США) и усилила подозрения других, что она не является по-настоящему самостоятельной в своей тихоокеанской политике.

Тактически отсутствие американского направления в российском «повороте» лишило Москву некоторых важных выгод, которые она могла бы получить через сотрудничество с Вашингтоном. Наиболее серьезными из них являются американские инвестиции в развитие Дальнего Востока и поощрение союзников и партнеров США к более активному участию в российских проектах, что, в свою очередь, могло бы сильно помочь в поддержа-

нии баланса иностранных инвесторов в дальневосточных проектах.

Представляется, что этот недостаток азиатско-тихоокеанской политики России возник из-за некоторой инертности ее внешнеполитического мышления, особенно в отношении США, а также из-за недостатка воображения или недостаточной настойчивости в продвижении тихоокеанской повестки дня в отношениях с Вашингтоном. Диалог России и США по Тихому океану, действительно, был бы весьма нетрадиционным с точки зрения привычной повестки дня их отношений, сосредоточенной на стратегической стабильности, международной безопасности, европейских и постсоветских делах. Люди, принимающие решения в Москве, – как отвечающие за азиатский вектор ее внешней политики, так и отвечающие за США – не рассматривали АТР как перспективную повестку для российско-американских отношений и не смогли представить диалог с США по региону в качестве важного внешнеполитического интереса и приоритета.

Это яркая иллюстрация того, что и российско-американские отношения, и политика России в отношении США были на тот момент серьезно больны, оторваны от важных тенденций мирового развития и даже внешней политики сторон в целом. Если бы эти отношения были здоровыми, они несомненно последовали бы за глобальной тенденцией превращения АТР в эпицентр мировой экономики и политики, а также за внешнеполитической эволюцией обеих стран – их «поворотом на Восток».

Итак, американский и российский «повороты» к АТР, хотя и отличались по амбициям и масштабам, имели три общие черты: они основывались на восприятии региона как центра мировой экономики и политики, происходили в одно и то же время и эти стра-

ны не считали диалог между собой по АТР приоритетным. Ни США, ни Россия не рассматривали друг друга в этом регионе в качестве потенциальных и тем более преференциальных партнеров и не видели диалог по Тихоокеанскому региону частью новой конструктивной повестки дня российско-американских отношений – именно в то время, когда эта повестка была крайне востребована.

Интересы России и США в АТР

Мог ли гипотетический диалог России и США по АТР, если бы он был начат в период улучшения их отношений, стать их стабилизатором? Для ответа необходимо проанализировать совпадающие и сталкивающиеся интересы Москвы и Вашингтона в регионе и вывести общий знаменатель. Итоговая картина неоднозначна: как совпадающие, так и конфликтующие интересы есть, и они важны. Причем такие факторы, как роль Китая, являются одновременно и объединительными, и разделительными [Mankoff, Varabanov 2013]. И все же общие интересы преобладают.

Во-первых, и Россия, и США заинтересованы в том, чтобы экономический порядок и порядок безопасности в АТР носили инклюзивный характер и были открытыми для неазиатских стран – таких, как сами Россия, и США. Строго азиатский или азиатский порядок, в котором доминировал бы или один Китай, или треугольник Китай – Япония – Индия, был бы неблагоприятным и для Москвы, и для Вашингтона: оба игрока были бы обречены на второстепенное положение. Для России, как изначально нецентрального игрока в АТР, такой расклад был бы еще более драматичен, чем для Америки.

Во-вторых, общим интересом России и США является предотвращение китайской гегемонии в регионе. Для США Азия, в которой доминирует Китай, представляла бы самую масштабную стратегическую угрозу – подобно доминированию СССР в Европе после Второй мировой войны. Предотвращение доминирования неподконтрольных им держав в ключевых регионах мира, не говоря уже о враждебных, было основным приоритетом «Большой стратегии» США за последние сто лет и причиной их участия в мировых войнах, включая Первую мировую, Вторую мировую и холодную войны.

Для России, как более слабой державы, предотвращение китайской гегемонии важно еще больше. Во-первых, доминирование КНР в Азии помешало бы России стать независимой державой в этом регионе и обрекло бы ее на положение второстепенного игрока. Во-вторых, формирование в Азии китаецентричного порядка создало бы для Пекина соблазн начать проводить гегемонистскую политику в отношении самой России, что создало бы наибольшую угрозу их отношениям: Россия была бы вынуждена обратиться к политике контрбалансирования и сдерживания Китая. На сегодняшний день одной из главных предпосылок позитивного состояния и прочности российско-китайского партнерства является то, что Пекин избегает любых намеков на превосходство над Москвой: подчеркивает равноправие в отношениях, не пытается ослабить ориентированные на Россию институты в Центральной Азии и соглашается на равных развивать совместные с Россией экономический порядок и порядок безопасности в Евразии (посредством ШОС и «сопряжения» ЕАЭС и ОПОП). Если такое положение дел изменится, российско-китайские отношения столкнутся с реальными трудностями, вплоть до откры-

венной вражды, которую предсказывают многие американские эксперты.

Другое дело, что для России ослабление и демонтаж американской гегемонии в АТР не менее важно, чем предотвращение китайской, и пока этот приоритет создает богатое поле для российско-китайского сотрудничества.

В-третьих, и Россия, и США стороны заинтересованы в предотвращении обострения конфликтов в АТР, в том числе в Южно-Китайском море. Это обострение, не говоря уже о войне, замедлило бы экономический рост Азии, нарушило бы жизненно важные маршруты мировой торговли и спровоцировало бы глубокий мировой экономический кризис, от которого пострадали бы и Россия, и США.

В-четвертых, Москва и Вашингтон заинтересованы в урегулировании северокорейской ядерной проблемы, и ни одна из сторон не стремится к эскалации. Для России нерешенный северокорейский вопрос влечет за собой увеличение американского военного присутствия в Северо-Восточной Азии, которое Москва не поддерживает. Эскалация же может привести к еще большему американскому военному присутствию и в конечном итоге к ликвидации северокорейского государства, что может еще больше приблизить военную инфраструктуру США к Китаю и России. Для США развитие северокорейской ядерной программы является вызовом авторитету: их затянущаяся неспособность решить этот вопрос ослабляет их претензии на мировое лидерство и положение хаба системы безопасности в Тихом океане. В то время как обострение может даже разрушить американоцентричную систему в Северо-Восточной Азии, ведь и Япония, и Южная Корея в этом случае сильно пострадают и могут обвинить США в том, что те пожертвовали интересами и безо-

пасностью союзников ради собственных амбиций.

В-пятых, Россия и США поддерживают многосторонние асеаноцентричные форумы и ценят их важную роль в региональной архитектуре безопасности и экономических процессах. Для России центральное положение асеаноцентричных форумов в АТР выгодно, так как повышает ее шансы играть в регионе заметную роль. Вашингтон, хотя и заинтересован в продвижении в первую очередь американоцентричных структур, также поддерживает и асеаноцентричные, по крайней мере на словах. Во-первых, чтобы не отталкивать большинство региональных игроков, для которых эти форумы крайне важны. Во-вторых, чтобы предотвратить постепенное превращение Китая в регионального гегемона. Последнее характерно и для России. Ни Москва, ни Вашингтон не заинтересованы в маргинализации этих многосторонних механизмов или их попадании под власть Пекина.

Расходящиеся интересы России и США в АТР большей частью касаются роли и места Америки в регионе, его архитектуры безопасности и экономического порядка. Американоцентричный порядок в АТР столь же неблагоприятен для России, как и китаеццентричный (или даже более – если учесть проблемность российско-американских отношений): оба обрекают Москву на маргинальное положение. Поэтому Россия критически подходит к американской системе оборонных альянсов в Азии, попыткам США расширить сеть партнерств на другие азиатские страны, а также выразила негативное отношение к ТТП.

Москва и Вашингтон явно по-разному представляют архитектуру безопасности в Азии. Россия воспринимала сохранение системы американских альянсов после окончания холод-

ной войны как инструмент, с помощью которого США пытались, во-первых, консолидировать однополярность и свое глобальное лидерство, что резко контрастировало с российской версией желательного мироустройства, и во-вторых, предотвратить или замедлить подъем новых центров силы, прежде всего Китая, и общего перераспределения силы от Запада к не-Западу. Единственным исключением можно считать альянс с Южной Кореей, который с российской точки зрения в большей степени связан с северокорейским фактором. Альянс же США с Японией, напротив, воспринимается с подозрением – как элемент их политики сдерживания Китая и утверждения гегемонии в Азии [Charap, Drennan, Kanaev, Lukonin, Mikheev, Shvydko, Voda, Voitlovsky 2016].

Если ориентированная на США система двусторонних оборонных союзов будет преобладать в тихоокеанском порядке безопасности, то Россия будет от него автоматически изолирована – точно так же, как и в случае с НАТОценричным порядком безопасности в Европе. Последствия отношений американоцентричных союзов с Китаем рассматриваются как неоднозначные. С одной стороны, существование этих союзов, безусловно, препятствует китайской гегемонии в регионе, но с другой, они способствуют продолжающейся поляризации Тихого океана на ориентированные на США и Китай части, что также маргинализирует Россию, которая в этом раскладе вынуждена быть либо аутсайдером, либо младшим партнером Китая.

Еще больше Россия озабочена попытками США расширить их систему союзов и партнерств в АТР и включить в нее такие страны, как Индия, Вьетнам и Индонезия. Во-первых, это означает расширение американоцентричного порядка безопасности в регио-

не, что автоматически маргинализирует Россию. Во-вторых, это расширение обостряет американо-китайское соперничество и усиливает общую поляризацию Тихоокеанского региона в сфере безопасности, превращает его в арену острой конкуренции, что также обрекает Россию на маргинальную роль. В-третьих, это осложняет отношения России и самих этих стран, традиционно являющихся важными экономическими партнерами, в том числе крупными импортерами российского вооружения и военной техники. С большей вовлеченностью США конкуренция за их рынки усиливается, а общая значимость экономических и политических отношений для этих стран с Москвой снижается.

Вместе с тем интенсивность и значимость американо-российских противоречий по порядку безопасности в АТР значительно меньше, чем в Европе и тем более на постсоветском пространстве. Формирование внеблоковой архитектуры безопасности в Евроатлантике с полноценным участием России и борьба с расширением НАТО были одними из высших внешнеполитических приоритетов Москвы с начала 1990-х гг. Расширение возглавляемого США порядка безопасности в Европе было причиной каждого крупного кризиса американо-российских отношений на протяжении всего периода после холодной войны. В Азии подобные противоречия куда менее остры. Отчасти это объясняется историческими причинами и тем, что Европа традиционно занимала более высокое место в российских приоритетах безопасности и отношениях с США, нежели Азия. Отчасти – тем, что в Европе возглавляемая США система безопасности консолидирована в рамках НАТО, тогда как в Азии существует менее сплоченная система двусторонних альянсов. Наконец, в отличие от Европы, американоцентричная сис-

тема безопасности в АТР не расширялась после окончания холодной войны, особенно в регионы, имеющие жизненно важное значение для России.

Россия также не заинтересована в ориентированном на США экономическом порядке в Тихоокеанском регионе, основывается ли он на ТТП или его аналоге или же на совокупности двусторонних соглашений США со странами Азии. Несмотря на то что некоторые положения ТТП могли бы сыграть позитивную роль в российской экономической модернизации, сам факт, что они разрабатывались исключительно, а Москва и Пекин были отстранены от переговоров, гарантировал негативное отношение России ко всему проекту. К тому же, создание многосторонних экономических проектов под руководством США без участия Китая способствует экономической поляризации АТР, что также противоречит российским интересам, так как усиливает ее зависимость от КНР. Как и в сфере безопасности, Россия выступает за укрепление инклюзивного экономического порядка в Тихоокеанском регионе (как в АТЭС), который поддерживал бы баланс между несколькими центрами силы и препятствовал бы гегемонии одного из них. Естественно, по мере того, как США активизировали усилия по консолидации собственного экономического порядка и порядка безопасности в АТР, российская критика усиливалась.

Хотя Дональд Трамп отозвал американскую подпись под соглашением о ТТП уже в первые дни президентства, общее несовпадением интере-

сов России и США в отношении экономического порядка в АТР не исчезло. Администрация Трампа резко усилила политику сдерживания Китая, в том числе в экономическом отношении, и стала даже более активно, чем предшественница, противодействовать китайским политико-экономическим инициативам в регионе, прежде всего стратегии «Один пояс – один путь». В рамках этой политики Вашингтон инициировал торговую войну против Китая, ввел жесткие ограничения и по сути репрессивные меры в отношении его ключевых технологических гигантов, прежде всего компаний ZTE и Huawei, а также заявил о намерении создать в сотрудничестве с союзниками (прежде всего с Японией) прямую альтернативу проекту «Один пояс – один путь», которая позволила бы странам региона получать кредиты, модернизировать инфраструктуру и наращивать взаимосвязанность, минуя Пекин. Контур этой стратегии изложены в программном выступлении госсекретаря США Р. Тиллерсона в CSIS об их Индо-Тихоокеанской стратегии 18 октября 2017 г.⁷ и в еще более концентрированном виде – в программном выступлении вице-президента США М. Пенса об их политике в отношении Китая в Гуздоновском институте 4 октября 2018 г.⁸

Тем самым США существенно усиливают поляризацию АТР и стремятся создать ситуацию, когда доминирующий в регионе экономический порядок не только не включал бы в себя Китай в качестве одного из столпов, но носил бы откровенно антикитайский

7 Defining Our Relationship with India for the Next Century: An Address by U.S. Secretary of State Rex Tillerson (2017) // CSIS, October 18, 2017 // <https://www.csis.org/events/defining-our-relationship-india-next-century-address-us-secretary-state-rex-tillerson>, дата обращения 31.01.2019.

8 Remarks by Vice President Pence on the Administration's Policy toward China (2018) // White House, October 4, 2018 // <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-vice-president-pence-administrations-policy-toward-china/>, дата обращения 31.01.2019.

характер, а большинство союзников и партнеров США в регионе минимизировали бы сотрудничество с КНР в областях, которые подстегивали бы его технологическое развитие и усиливали бы его влияние в регионе. Причем Россия, которая вместе с Китаем объявлена противником США и действия которой практически в любой точке мира также рассматриваются как негативный фактор, или не берется в расчет вовсе, или в лучшем случае рассматривается как де-факто союзник Китая в АТР, находящийся по другую сторону подстегиваемого США геэкономического раскола региона.

Еще одно важное американско-российское противоречие в регионе касается противоракетной обороны. Россия критически относится к размещению американской ПРО в Японии и в Южной Корее. С одной стороны, это следствие общего давнего спора России и США по этой теме. После одностороннего выхода США из договора по ПРО в 2002 г. Россия рассматривала их политику в этой сфере как долгосрочную угрозу стратегической стабильности.

Несмотря на глубокую модернизацию российских стратегических ядерных сил за последние годы и успешное создание систем, способных, как утверждается, преодолевать любые гипотетические системы ПРО (как то гиперзвуковые ракеты с ядерными боеголовками), Россия продолжает критиковать всю инфраструктуру ПРО США, особенно вблизи своих границ, и считать ее дестабилизирующей и представляющей угрозу безопасности. Кроме того, размещение инфраструктуры ПРО США является частью общего расширения американского военного при-

сутствия и укрепления возглавляемых США порядков в области безопасности в ключевых регионах, что воспринимается Россией негативно. Наконец, это размещение является региональной частью единой глобальной системы ПРО США, централизованно контролируемой Вашингтоном и управляемой только американскими военными.

С другой стороны, большое влияние на позицию России по политике США в сфере ПРО в Азии оказывает китайский фактор. И это не только солидарность с основным стратегическим партнером. Размещение ПРО США в Японии и Южной Корее провоцирует гонку вооружений, в частности, подталкивает Китай к еще большему увеличению расходов на оборону и ускорению и совершенствованию ядерной программы. Это уменьшает военное превосходство России над Китаем и, в конечном итоге, будет вынуждать Москву предпринимать шаги, которых она предпочла бы избежать.

Наконец, Россия и США расходятся во мнениях относительно путей решения северокорейской ядерной проблемы. Россия полностью понимает позицию КНДР, что после атак США на Ирак и Ливию односторонняя денуклеаризация была бы актом безумия и смертным приговором. Поэтому Москва считает, что решение этого вопроса не будет быстрым и потребует сбалансированных компромиссов с обеих сторон.

В среднесрочной перспективе Москва, похоже, готова пойти на вариант, когда КНДР ограничила бы, а не ликвидировала свои ядерную и ракетную программы в обмен на уступки со стороны США, такие как дипломатическое признание, гарантия ненападения

9 National Security Strategy of the United States of America (2017) // White House, December 2017 // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

и отказ от политики смены режима, частичная отмена санкций и сокращение американского военного присутствия вблизи Северной Кореи. Этот вариант, хотя и приемлем для Пхеньяна, нежелателен для Вашингтона, так как будет выглядеть как односторонняя уступка и подрыв авторитета Америки в глазах ее союзников, прежде всего Японии и Южной Кореи. В этой связи администрация Трампа настаивает на полной ликвидации северокорейских ядерной и ракетной программ в обмен не на материальные уступки (сокращение военного присутствия США в Северо-Восточной Азии), а на прямой двусторонний диалог.

В долгосрочной перспективе для России предпочтителен сценарий, когда КНДР осуществит полную и необратимую денуклеаризацию, но останется независимым игроком с существующим политическим режимом, и когда США реализуют практические шаги, чтобы убедить Пхеньян и других заинтересованных игроков (Китай и Россию), что атака на КНДР не просто не планируется, но трудно осуществима на практике. Последнее означает фундаментальное изменение военно-политической ситуации в Северо-Восточной Азии: существенное сокращение американского военного присутствия и создание инклюзивной системы коллективной безопасности с участием Китая, России и самой Северной Кореи.

Такое развитие событий может подтолкнуть Японию и Южную Корею к созданию собственного ядерного потенциала. Сокращение военного присутствия США и их гарантии безопасности и признание Северной Кореи сделали бы Токио и Сеул уязвимыми не только перед КНДР, но и (и в первую очередь) перед Китаем. На фоне отступления США Китай может усилить наступательную и гегемонистскую поли-

тику в регионе, и в этом случае Японии и Южной Кореи придется создавать ей контрбалансы самостоятельно.

Есть основания полагать, что даже такой вариант мог бы быть приемлем для России. Независимое японское и южнокорейское ядерное оружие не только ослабило бы систему альянсов США в Азии, к которой Москва относится без симпатии, но и создало бы мощные ограничители гегемонистских амбиций Китая и сформировало бы поистине многополярный баланс великих держав в Северо-Восточной Азии – ситуацию, которую Россия считает наиболее желательной. Такой баланс великих держав существенно упростил бы задачу России стать одной из них и даже создал бы спрос на ее участие в качестве балансира.

Для США эти сценарии неприемлемы и выглядят целенаправленно антиамериканскими. Вашингтон предпочитает решение, которое бы сохранило его альянсы с Токио и Сеулом и укрепило американское лидерство, а потому требует денуклеаризации Северной Кореи без каких-либо уязвок со своим военным присутствием в регионе. Поскольку же Вашингтон не поддерживает замену своих альянсов системой коллективной безопасности в Северо-Восточной Азии, он и не воспринимает Россию в качестве предпочтительного партнера в решении северокорейской проблемы. Особенно после того, как администрация Трампа перешла к прямым переговорам с Пхеньяном.

Эти переговоры, одним из главных этапов которых стал состоявшийся 12 июня 2018 г. в Сингапуре первый в истории саммит США и КНДР, безусловно, деэскалировали ситуацию вокруг Северной Кореи и снизили вероятность военной эскалации, которая к концу 2017 г. достигла опасной черты. Однако они не принесли больших ре-

зультатов по части денуклеаризации Северной Кореи. Последняя лишь заморозила свою ядерную программу и программу производства межконтинентальных баллистических ракет и заявила о готовности закрыть ядерный полигон в Йонбене (который в силу уже накопленного КНДР ядерного и ракетного потенциала в данный момент не является для нее критичным), но отказывается сокращать и тем более ликвидировать имеющийся арсенал ракет и ядерного оружия. Сокращение и ликвидация северокаорейского ядерного и ракетного потенциала требует со стороны США уступок, к которым они явно не готовы.

Несостоявшаяся повестка дня диалога России и США по АТР

Приведенный анализ показывает сложный баланс совпадающих и сталкивающихся интересов России и США в Тихоокеанском регионе. Несмотря на то что несовпадающие интересы весьма серьезны, общий баланс все еще склоняется в пользу совпадающих, которые представляются более фундаментальными и долгосрочными. При этом общая картина российских и американских интересов резко отличается от той, что касается Европы, постсоветского пространства или Ближнего Востока, где явно преобладают несовпадающие интересы. Это означает, что при наличии большей изобретательности и политической воли Москва и Вашингтон могли бы превратить диалог по АТР в ключевой компонент повестки дня их отношений и опору их позитивного сотрудничества, повышая тем самым устойчивость отношений в целом.

Прежде всего, стороны могли бы сотрудничать по продвижению экономических и политических отношений России с союзниками и партнерами США

в АТР, уменьшая тем самым и ее зависимость от Китая и возможность проведения им гегемонистской политики. Это очевидный общий интерес для России и США. Одним из важных направлений этого сотрудничества могло бы стать разрешение российско-японского территориального спора и углубление их отношений в целом – тем более что это активно поддерживалось (и поддерживается до сих пор) официальным Токио, особенно премьер-министром С. Абэ. Выстраивание трехсторонних российско-американо-японского и российско-американо-южнокорейского диалогов позволило бы снизить экономическую и политическую зависимость России от Китая, повысить роль Японии и Кореи в развитии Сибири и Дальнего Востока и укрепить роль России в АТР независимо от Китая.

Москва и Вашингтон могли бы активизировать диалог по вопросам безопасности в АТР и, в частности, интенсифицировать участие России в таких американоцентричных проектах в регионе, как военные учения RIMPAC. Россия приняла в них участие только один раз в 2012 г. (участие в 2014 г. не состоялось из-за украинского кризиса и начала новой американо-российской конфронтации), и на тот момент стороны еще могли договориться о том, чтобы российское участие стало постоянным. Разумеется, более тесное подключение Москвы к американской системе союзов и партнерств было невозможным (и неприемлемым для самой России) до начала новой российско-американской конфронтации и тем более стало невозможным после перехода отношений двух стран к новой конфронтации в 2014 г. Однако Россия и США могли бы более тесно взаимодействовать в асеаноцентричных форматах по вопросам безопасности, ведь обе страны заинтересованы в их выживании и

укреплении и на словах поддерживают их центральную роль в региональном порядке безопасности.

Кроме того, стороны могли бы запустить двусторонние и многосторонние (с участием региональных союзников и партнеров США) диалоги по порядку безопасности в АТР в широком смысле, включая фактор Китая. Это ни в коем случае не означало бы вхождение Москвы в антикитайскую коалицию. Напротив, такие диалоги должны были бы существовать параллельно с сохранением прочного российско-китайского партнерства по вопросам безопасности, тем самым уменьшая общую поляризацию АТР на американоцентричный и китаоцентричный субпорядки. Более заметная роль России и российско-американский диалог по АТР могли бы даже смягчить растущее американо-китайское соперничество. Со временем стороны могли бы наладить трехсторонний диалог Россия – США – Китай по безопасности в АТР, который качественно улучшил бы ситуацию в регионе, предотвращая его поляризацию и смягчая американо-китайское стратегическое соперничество.

Создание сети интенсивных диалогов России с США и их союзниками и партнерами в АТР в сочетании с сохранением российско-китайского стратегического партнерства, а также развитие в дальнейшем более инклюзивных американо-российско-китайских и многосторонних форматов безопасности могли бы смягчить самое фундаментальное противоречие между Москвой и Вашингтоном в Тихом океане: негативное отношение России к сети американских союзов и американоцентричной системе безопасности в АТР в целом.

Вместе с тем активное сотрудничество по вопросам безопасности между Россией и теми странами Азии, что в наибольшей степени опасаются ки-

тайского гегемонизма, как Индия и Япония, позволило бы США уменьшить свой собственный вклад в контрбалансирование КНР и сделать больший акцент на усилиях, предпринимаемых их союзниками и партнерами, сокращая тем самым затраты на военное присутствие в регионе и делая его более сбалансированным – во многом в соответствии со стратегией «удаленного балансирования», продвигаемой ведущими американскими реалистами [Mearsheimer, Walt 2016]. Хотя в реальности способность региональных акторов сдерживать и уравнивать Китай весьма высока, она, как правило, недооценивается в США [Beckley 2017]. Более активное сотрудничество России с союзниками и партнерами США усилило бы их собственные потенциалы в еще большей степени.

Сами США могли бы сыграть важную роль в экономическом развитии Сибири и Дальнего Востока как поставщик инвестиций, ноу-хау и технологий и извлечь коммерческую выгоду от освоения этого последнего Тихоокеанского фронта [Караганов, Суслотов 2011]. Американское участие сбалансировало бы роль Китая в развитии региона, обеспечило бы его более высокими стандартами и эффективными правилами управления, а также побудило бы американских союзников и партнеров наращивать собственное участие в развитии Сибири и Дальнего Востока.

Наконец, Москва и Вашингтон могли бы укрепить сотрудничество по северокорейской ядерной проблеме: Россия в координации с США могла бы предоставить важные экономические стимулы и гарантии безопасности КНДР для ее постепенной денуклеаризации. Это упростило бы переговоры по ограничению и постепенному сокращению ее ядерного и ракетного арсеналов.

Заключение

Если бы России и США удалось выстроить диалог по Тихоокеанскому региону в 2011–2013 гг., их восприятие важности двусторонних отношений, выгод от их сохранения в позитивном ключе и издержек от их ухудшения было бы другим. Вполне вероятно, что этот диалог и сотрудничество создали бы взаимное понимание того, насколько важно предотвратить глубокую деградацию американо-российских отношений для национальных интересов обеих сторон, и реакция США на связанный с Евромайданом кризис на Украине была бы иной. Имея, что терять в АТР, и осознавая поэтому недопустимость глубокой конфронтации, Москва и Вашингтон могли бы попытаться разрешить украинский кризис 2013 г. на основе сотрудничества, компромисса и понимания более широкой картины отношений Россия – США и их важности, а не предпринимать односторонние шаги с тем, чтобы нанести друг другу на Украине поражение.

В этом случае кризис 2014 г. в российско-американских отношениях (однозначная поддержка США Евромайдана против правительства Виктора Януковича, моментальное признание Вашингтоном нового прозападного и антироссийского «правительства победителей» в Киеве и его действий во внутренней и внешней политике, в том числе резкой переориентации Киева на Запад, и реакция на это со стороны России – поддержка восстания в Крыму и на Донбассе со всеми последствиями) просто не случился бы. Столкновение двух стран на Украине и дальнейший обвал их отношений произошел именно потому, что Вашингтон, а затем и Москва не видели причин не доводить ситуацию в их отношениях до открытой конфронтации, а потому предпринимали такие действия по Украине, ко-

торые делали эту конфронтацию неизбежной.

Возможность предотвратить все это, выстроив прочный диалог Россия – США по АТР, была упущена, и украинский кризис положил начало нового периода американо-российских отношений – системной конфронтации. С российским вовлечением в сирийский конфликт на стороне правительства Башара Асада и обвинениями со стороны США в ее вмешательстве в президентские выборы 2016 г. эта конфронтация обострилась и углубилась еще больше, становясь весьма похожей на новую холодную войну. В результате США стали воспринимать Россию как явного противника, пытающегося подорвать их позиции и политику в ключевых регионах мира, бросить вызов их лидерству, разрушить американоцентричный миропорядок и даже расшатать демократические устои в самой Америке, и проводить соответствующую конфронтационную политику – политику сдерживания и конфронтации.

Начало новой конфронтации повлияло и на российско-американское взаимодействие в АТР. Хотя регион и не был источником этого противостояния, он стал еще одной его площадкой (хотя здесь оно менее ожесточенное, чем на Украине, в Европе или на Ближнем Востоке). Политика сторон и восприятие ими роли друг друга в регионе стали определяться не столько объективными долгосрочными интересами, сколько логикой конфронтации.

Вашингтон, как при Обаме, так и при Трампе, начал противодействовать сотрудничеству России с его союзниками и партнерами в АТР – или оказывая политическое давление (администрация Обамы вынудила Японию ввести антироссийские санкции и давила на премьер-министра Абэ, чтобы тот воздержался от активного диалога с Владимиром Путиным), или угрожая вве-

сти односторонние (вторичные) санкции за импорт российского вооружения и военно-технического сотрудничества с Москвой (это прописано принятом Конгрессом США в августе 2017 г. Акте «О противодействии противникам Америки посредством санкций»), пытаясь тем самым изолировать Россию в регионе и ослабить ее международное положение. Принятая администрацией Трампа в конце 2017 г. Стратегия национальной безопасности официально провозгласила Россию и Китай глобальными противниками¹⁰.

В соответствии с логикой конфронтации Вашингтон рассматривает присутствие и действия России во всех ключевых регионах мира, включая АТР, в негативном ключе и стремится минимизировать ее взаимодействие со странами, которых США рассматривают как перспективных партнеров, прежде всего по вопросам безопасности. В частности, США не скрывают, что стремятся ослабить военно-техническое сотрудничество России с ее ключевыми азиатскими партнерами в этой сфере, помимо Китая – с Индией и Вьетнамом. Администрация Трампа не стала вводить против этих стран вторичные санкции в соответствии с CAATSA (к явному неудовольствию демократов в Конгрессе), но не потому, что содействует их сотрудничеству с Москвой, а потому, что подобные меры сильно ударили бы по отношениям США с этими странами и ослабили бы американское влияние в регионе.

Москва, в свою очередь, еще в конце президентства Б. Обамы заняла весьма критическую позицию в отноше-

нии проекта Транстихоокеанского партнерства¹¹, а в начале президентства Д. Трампа стала критиковать политику США по Северной Корее и Южно-Китайскому морю. Она весьма негативно настроена и в отношении флагманского проекта администрации Трампа в регионе – «Индо-Тихоокеанской стратегии». Политика «поворота на Восток», изначально бывшая рациональной реакцией на смещение глобального центра тяжести в АТР, стала восприниматься и преподноситься как альтернатива отношениям России с Западом и способ компенсировать их резкое ухудшение с США и ЕС. И хотя Москва всеми силами пытается сохранить баланс между отношениями с Китаем и другими азиатскими странами и пытается в этой связи углублять сотрудничество с Индией, Японией, Южной Кореей, Вьетнамом, другими странами АСЕАН или, по крайней мере, не допускать их деградации, начиная с 2014 г. интенсивность и динамика ее партнерства с КНР явно превалируют над отношениями с другими странами Азии.

Существенным фактором, осложняющим отношения России и США в АТР на долгосрочную перспективу, является отказ Вашингтона от политики «вовлечения» Китая и переход к однозначной и жесткой политике сдерживания, которая включает в себя и военные, и экономические, и политико-дипломатические, и пропагандистские элементы [Campbell, Ratner 2018]. Представленная администрацией Трампа еще в 2017 г. «Индо-Тихоокеанская стратегия»¹² является по сути попыткой соз-

10 National Security Strategy of the United States of America (2017) // White House, December 2017 // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

11 Нарышкин С. (2015) Инстинкты колонизаторов, или Подоплека глобального лидерства // Ведомости. 13 апреля 2015 // <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/04/14/instinkt-kolonizatorov-ili-podopleka-globalnogo-liderstva>, дата обращения 31.01.2019.

12 Defining Our Relationship with India for the Next Century: An Address by U.S. Secretary of State Rex Tillerson (2017) // CSIS, October 18, 2017 // <https://www.csis.org/events/defining-our-relationship-india-next-century-address-us-secretary-state-rex-tillerson>, дата обращения 31.01.2019.

дать в регионе широкую коалицию по сдерживанию Китая и ориентированный на США экономический и международно-политический порядок, противостоящий КНР в духе блокового подхода.

Хотя на первый взгляд может показаться, что главным инструментом экономического сдерживания Китая является развязанная администрацией Трампа торговая война, на деле главный приоритет Вашингтона, как недвусмысленно отметил вице-президент Пенс в программной речи о политике США в отношении Китая 4 октября 2018 г., это ослабление технологического развития КНР и предотвращение того, чтобы Китай смог бросить США технологический и военно-технологический вызов¹³. Это означает, что ограничительные меры против китайских технологических гигантов будут вводиться вне зависимости от того, уменьшится дефицит торгового баланса США с Китаем или нет. Администрация Трампа не скрывает, что ее стратегическая цель в торговых переговорах с КНР – добиться изменения модели экономического развития Китая в целом и к тому же получить фактический контроль над китайским экономическим и особенно технологическим развитием. Поскольку для Китая это совершенно неприемлемо, противостояние продлится весьма долго и, скорее всего, будет главным структурным фактором международных отношений в первой половине XXI в.

Россия, которая тоже рассматривается Соединенными Штатами в качестве противника, оказывается в этом раскладе априори на стороне Китая. Учитывая ее собственную конфронта-

цию с США, заинтересованность в сохранении и укреплении стратегического партнерства с Пекином и понимание, что в основе «двойной конфронтации» США с Китаем и Россией лежит их стремление сохранить глобальное лидерство, против которого Москва решительно выступает, Россия не может не относиться негативно к конфронтационному курсу США к Китаю и полностью отделять его от конфронтации США с самой собой. В результате происходит дальнейшее сближение России и Китая, в том числе в военной сфере, на антикитайской основе, и Россия воспринимает те действия США в АТР, которые на деле нацелены против КНР, весьма критически.

Такая ситуация будет сохраняться до тех пор, пока США не пересмотрят политику «двойного сдерживания» России и Китая одновременно и не начнут, например, искать пути сближения с Россией, чтобы избежать еще большей консолидации «Большой Евразии» против самих себя и укрепить свои позиции в стратегическом соперничестве с Китаем, – как уже предлагают американские исследователи реалистской школы [Simes, Graham 2019]. Это может произойти лишь тогда, когда Вашингтон убедится, что Россия более устойчива, чем в США склонны полагать сегодня, и ждать фундаментального изменения ее внешней и внутренней политики в кратко- и среднесрочной перспективе ошибочно. Пока же Вашингтон исходит из того, что Москва не сможет выдержать относительно длительную конфронтацию и сама инициирует сближение с Западом на условиях последнего, политика «двойного сдерживания» будет сохраняться.

13 Remarks by Vice President Pence on the Administration's Policy Toward China (2018) // White House, October 4, 2018 // <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-vice-president-pence-administrations-policy-toward-china/>, дата обращения 31.01.2019.

Перетекание новой российско-американской конфронтации на АТР противоречит стратегическим интересам обеих сторон. Оно способствует общей поляризации региона в духе холодной войны, которая может поставить под угрозу экономическое развитие государств АТР и противоречит интересам почти всех стран в регионе. Эта конфронтация негативно влияет на отношения России как с союзниками США (Япония, Южная Корея, Австралия), так и со странами, с которыми Вашингтон стремится выстроить партнерские отношения (Индия, Вьетнам, Индонезия и некоторые другие). Сегодня эти отношения развиваются вопреки американскому давлению, но если противостояние Москвы и Вашингтона обострится еще больше, они неизбежно пострадают. Это может подорвать способность России играть роль независимой великой державы в АТР и усилить ее зависимость от Китая, что со временем может стать серьезным раздражителем в российско-китайских отношениях.

Хотя новая американско-российская конфронтация надолго [Суслов 2014], а вызов, который Москва бросает глобальному лидерству США начиная с 2014 г., объективен и чувствителен, распространение этой конфронтации на АТР не соответствует и американским интересам. Попытки США ограничить сотрудничество России со странами региона и «изолировать» ее лишь подрывают американское влияние. Положение России как независимой великой державы в АТР полностью сочетается с интересами союзников и партнеров США, которые опасаются гипотетического российско-китайского альянса и предпочитают, чтобы Москва играла автономную от Пекина роль.

Наконец, США не заинтересованы в дальнейшем углублении российско-китайского партнерства в условиях, ког-

да они рассматривают Китай как основного стратегического конкурента и готовятся наращивать его политическое, экономическое и военное сдерживание в течение как минимум нескольких ближайших лет. Вера в то, что Россия обречена на столкновение с Китаем в Центральной Азии, что она будет все более опасаться его подъема и усиливающейся асимметрии в российско-китайских отношениях, а потому будет вынуждена в конце концов вернуться к прозападной политике, себя не оправдывает. Этого не произойдет. Напротив, чем острее будет американско-российская конфронтация, включая АТР, тем сильнее будет консолидация евразийского пространства под китайским и российским руководством против США, и тем более активным будет противодействие американской политике со стороны большинства их союзников и партнеров в регионе.

Таким образом, обе стороны выиграли бы, если бы им удалось отделить свои отношения в АТР от российско-американской конфронтации в целом, которую вряд ли удастся преодолеть до середины следующего десятилетия. Для этого им необходимо выстроить в АТР невраждебные отношения – без активного сотрудничества (оно в обозримом будущем маловероятно), но и без открытой конфронтации. Обе стороны должны воздерживаться от того, чтобы воспринимать действия друг друга как априорно негативные и формулировать собственные интересы как зеркальное противоположное отражение интересов другой стороны.

Отношение США к сотрудничеству России с их союзниками и партнерами в АТР, включая Индию, Японию и Южную Корею, должно стать позитивно нейтральным (без публичной поддержки, но и без активного противодействия). Общий объективный интерес Москвы и Вашингтона в усилении

сотрудничества между Россией и союзниками и партнерами США в АТР по вопросам безопасности, внешней политики и экономики, создавая тем самым более действенные препятствия гегемонистским амбициям Китая в регионе, все еще существует, и его надо воплотить в жизнь.

России, со своей стороны, следует максимально дистанцироваться от американо-китайских трендов по Южно-Китайскому морю и поддерживать отдельные диалоги со странами региона по вопросам безопасности. Наконец, России и США следует участвовать в одних и тех же многосторонних и многосторонних стратегических дискуссиях о безопасности и экономическом порядке в регионе.

Подобное развитие событий создаст более благоприятные условия для того, чтобы Россия закрепила за собой роль независимого центра силы в Тихоокеанском регионе, выстроив сбалансированные отношения с ключевыми региональными акторами, при этом не ставя под угрозу свое стратегическое партнерство с Китаем. И главное, оно уменьшит поляризацию АТР и его движение в сторону биполярной системы, в которой доминировали бы США и Китай, и создаст предпосылки для постепенной конвергенции и взаимодополняемости двух самых масштабных и стратегических проектов развития региона – «Индо-Тихоокеанского региона» и «Большой Евразии».

Список литературы

Караганов С.А. (ред.) (2014) К Великому океану – 2, или российский рынок к Азии. Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай» // http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Twd_Great_Ocean_2_Rus.pdf, дата обращения 31.01.2019.

Караганов С.А., Сулов Д.В. (2011) Отношения Россия – США после «перезагрузки»: на пути к новой повестке дня. Взгляд из России. Доклад российских участников Рабочей группы по будущему российско-американских отношений Международного дискуссионного клуба «Валдай». Гарвардский университет и Национальный исследовательский университет «Высшая школы экономики» // https://we.hse.ru/data/2011/04/04/1211654787/valdai_2011.pdf, дата обращения 31.01.2019.

Сулов Д.В. (2014) Всерьез и надолго. Глобальные аспекты новой конфронтации России и США // Россия в глобальной политике. 11 ноября 2014 // <https://www.globalaffairs.ru/number/Vserez-i-nadolgo-17102>, дата обращения 31.01.2019.

Beckley M. (2017) The Emerging Military Balance in East Asia: How China's Neighbors Can Check Chinese Naval Expansion // *International Security*, vol. 42, no 2, pp. 78–119. DOI: 0.1162/ISEC_a_00294

Bolt P.J., Cross S. N. (2018) *China, Russia, and Twenty-First Century Global Geopolitics*, Oxford University Press.

Campbell K.M., Ratner E. (2018) The China Reckoning. How Beijing Defied American Expectations // *Foreign Affairs*, vol. 97, no 2, pp. 60–70 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2018-02-13/china-reckoning>, дата обращения 31.01.2019.

Charap S., Drennan J., Kanaev Y., Lukonin S., Mikheev V., Shvydko V., Voda K., Voitlovsky F. (2016) The US and Russia in the Asia-Pacific // The International Institute for Strategic Studies, March 31, 2016 // <https://www.iiss.org/-/media/documents/events/events%20calendar/march%202016/us%20russia%20report%202016%20final.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

Clinton H. (2011) America's Pacific Century // *Foreign Policy*, October 11, 2011 // <http://foreignpolicy.com/2011/10/11/>

americas-pacific-century/, дата обращения 31.01.2019.

Kaplan R.D. (2017) The Quiet Rivalry between China and Russia // *New York Times*, November 3, 2017 // <https://www.nytimes.com/2017/11/03/opinion/china-russia-rivalry.html>, дата обращения 31.01.2019.

Krickovic A. (2017) The Symbiotic China-Russia Partnership: Cautious Riser and Desperate Challenger // *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 10, no 3, pp. 299–329. DOI: 10.1093/cjip/рох011

Lo B. (2008) *Axis of Convenience: Moscow, Beijing, and the New Geopolitics*, Brookings Institution Press.

Lo B. (2015) *A Turn to the East* // Lo B. *Russia and the New World Disorder*, Brookings Institution Press, pp. 132–164.

Lo B., Hill F. (2013) Putin's Pivot: Why Russia is Looking East // *Brookings*, July 31, 2013 // <https://www.brookings.edu/opinions/putins-pivot-why-russia-is-looking-east/>, дата обращения 31.01.2019.

Lukin A. (2018) *China and Russia: The New Rapprochement*, Cambridge Polity Press.

Mankoff J., Barabanov O. (2013) Prospects for U.S.-Russia Cooperation in the Asia-Pacific Region: The United States and Russia in the Pacific Century // Working Group on the Future of U.S.-Russia Relations. Working Group Paper 3 // <https://us-russiafuture.org/publications/working-group-papers/prospects-for-u-s-russia-cooperation-in-the-asia-pacific-region/>, дата обращения 31.01.2019.

Mearsheimer J.J., Walt S.M. (2016) The Case for Offshore Balancing // *For-*

ign Affairs, vol. 95, no 4, pp. 70–83 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-06-13/case-offshore-balancing>, дата обращения 31.01.2019.

Putz C. (2016) What Is China and Russia's 'Eternal Friendship' Worth? // *The Diplomat*, June 27, 2016 // <https://thediplomat.com/2016/06/what-is-china-and-russias-eternal-friendship-worth/>, дата обращения 31.01.2019.

Rousseau R. (2013) The Russia-China Relationship and the Russian Far East // *The Diplomatic Courier*, February 20, 2013 // <https://www.diplomaticcourier.com/2013/02/20/the-russia-china-relationship-and-the-russian-far-east/>, дата обращения 31.01.2019.

Rozman G. (2014) *The Sino-Russian Challenge to the World Order: National Identities, Bilateral Relations, and East vs. West in the 2010s*, Washington: Woodrow Wilson Center Press and Stanford University Press.

Schoen D.E., Kaylan M. (2014) *The Russia-China Axis: The New Cold War and America's Crisis of Leadership*, Encounter Books.

Shapiro J.L. (2017) Russia and China's Alliance of Convenience // *Geopolitical Futures*, December 26, 2017 // <https://geopoliticalfutures.com/russia-chinas-alliance-convenience-1/>, дата обращения 31.01.2019.

Simes D., Graham A. (2019). A Sino-Russian Entente Again Threatens America // *The Wall Street Journal*, January 29, 2019 // <https://www.wsj.com/articles/a-sino-russian-entente-again-threatens-america-11548806978>, дата обращения 31.01.2019.

Under Discussion

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-159-184

A Missed Partnership: Russia and the US at the Pacific

Dmitry V. SUSLOV

Deputy Director, Center for Comprehensive European and International Studies,
Faculty of World Economy and International Affairs
National Research University Higher School of Economics, 119017, Malaya Ordynka St.,
17, Moscow, Russian Federation
E-mail: dsuslov@hse.ru
ORCID: 0000-0001-9353-8798

CITATION: Suslov D.V. (2019) A Missed Partnership: Russia and the US at the Pacific. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 1, pp. 159–184 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-159-184

Received: 29.12.2018.

ABSTRACT. *Both Russia and the United States consider the Asia-Pacific as the center of the world economy and politics and assume the active presence in the region crucial for their security and economic development. They did not have such sharp contradictions there as in Europe or in the post-Soviet space. Moreover, some of their interests in the Asia-Pacific Region coincide – such as preventing Chinese hegemony. In this regard, the Russian-American dialogue and cooperation in the Asia-Pacific could be an important pillar of the positive agenda of their relations and a factor in their sustainability.*

Due to foreign policy inertia, the inflexibility of the agenda of Russian-American relations and the inability of the parties to go beyond the usual pattern, such a dialogue has not even begun. Both sides demonstrated strategic myopia. This weakened the resilience of US-Russian relations in the face of new challenges and accelerated their deterioration and disruption to a new confrontation. The Asia-Pacific has become another theater of the US-Russian systemic confronta-

tion. However, it is in the interest of both Russia and the United States to separate relations in this region from their general confrontation. This will create favorable conditions for Russia to build a balanced partnership system in the Asia-Pacific, which is necessary to consolidate its role as an independent global great power. In addition, the Russian-American dialogue on the Asia-Pacific, or at least the weakening of their confrontation in this region, will reduce its polarization and prevent tensions between the US and its Asian allies and partners.

KEY WORDS: *US-Russia relations, international security, Asia-Pacific, foreign policy of Russia, USA*

References

Beckley M. (2017) The Emerging Military Balance in East Asia: How China's Neighbors Can Check Chinese Naval Expansion. *International Security*, vol. 42, no 2, pp. 78–119. DOI: 0.1162/ISEC_a_00294

- Bolt P.J., Cross S. N. (2018) *China, Russia, and Twenty-First Century Global Geopolitics*, Oxford University Press.
- Campbell K.M., Ratner E. (2018) The China Reckoning. How Beijing Defied American Expectations. *Foreign Affairs*, vol. 97, no 2, pp. 60–70. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2018-02-13/china-reckoning>, accessed 31.01.2019.
- Charap S., Drennan J., Kanaev Y., Lukonin S., Mikheev V., Shvydko V., Voda K., Voitovsky F. (2016) The US and Russia in the Asia-Pacific. *The International Institute for Strategic Studies*, March 31, 2016. Available at: <https://www.iiss.org/-/media/documents/events/events%20calendar/march%202016/us%20russia%20report%202016%20final.pdf>, accessed 31.01.2019.
- Clinton H. (2011) America's Pacific Century. *Foreign Policy*, October 11, 2011. Available at: <http://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/>, accessed 31.01.2019.
- Kaplan R.D. (2017) The Quiet Rivalry between China and Russia. *New York Times*, November 3, 2017. Available at: <https://www.nytimes.com/2017/11/03/opinion/china-russia-rivalry.html>, accessed 31.01.2019.
- Karaganov S.A. (ed.) (2014) *To the Great Ocean-2, or Russian Breakthrough to Asia. Report of the Valdai International Discussion Club*. Available at: http://vid1.rian.ru/ig/valdai/Twd_Great_Ocean_2_Rus.pdf, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Karaganov S.A., Suslov D.V. (2011) *Russia-US Relations after the "Reset": on the Way to a New Agenda. View from Russia. Report of the Russian Participants of the Working Group on the Future of Russian-American Relations of the Valdai International Discussion Club. Harvard University and National Research University Higher School of Economics*. Available at: https://we.hse.ru/data/2011/04/04/1211654787/valdai_2011.pdf, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Krickovic A. (2017) The Symbiotic China-Russia Partnership: Cautious Riser and Desperate Challenger. *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 10, no 3, pp. 299–329. DOI: 10.1093/cjip/pox011
- Lo B. (2008) *Axis of Convenience: Moscow, Beijing, and the New Geopolitics*, Brookings Institution Press.
- Lo B. (2015) A Turn to the East. *Lo B. Russia and the New World Disorder*, Brookings Institution Press, pp. 132–164.
- Lo B., Hill F. (2013) Putin's Pivot: Why Russia is Looking East. *Brookings*, July 31, 2013. Available at: <https://www.brookings.edu/opinions/putins-pivot-why-russia-is-looking-east/>, accessed 31.01.2019.
- Lukin A. (2018) *China and Russia: The New Rapprochement*, Cambridge: Polity Press.
- Mankoff J., Barabanov O. (2013) Prospects for U.S.-Russia Cooperation in the Asia-Pacific Region: The United States and Russia in the Pacific Century. *Working Group on the Future of U.S.-Russia Relations*. Working Group Paper 3. Available at: <https://us-russiafuture.org/publications/working-group-papers/prospects-for-u-s-russia-cooperation-in-the-asia-pacific-region/>, accessed 31.01.2019.
- Mearsheimer J.J., Walt S.M. (2016) The Case for Offshore Balancing. *Foreign Affairs*, vol. 95, no 4, pp. 70–83. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-06-13/case-offshore-balancing>, accessed 31.01.2019.
- Putz C. (2016) What Is China and Russia's 'Eternal Friendship' Worth? *The Diplomat*, June 27, 2016. Available at: <https://thediplomat.com/2016/06/what-is-china-and-russias-eternal-friendship-worth/>, accessed 31.01.2019.
- Rousseau R. (2013) The Russia-China Relationship and the Russian Far East. *The Diplomatic Courier*, February 20, 2013. Available at: <https://www.diplomaticcourier.com/2013/02/20/the-russia-china-relationship-and-the-russian-far-east/>, accessed 31.01.2019.

Rozman G. (2014) *The Sino-Russian Challenge to the World Order: National Identities, Bilateral Relations, and East vs. West in the 2010s*, Washington: Woodrow Wilson Center Press and Stanford University Press.

Schoen D.E., Kaylan M. (2014) *The Russia-China Axis: The New Cold War and America's Crisis of Leadership*, Encounter Books.

Shapiro J.L. (2017) Russia and China's Alliance of Convenience. *Geopolitical Futures*, December 26, 2017. Available at: <https://geopoliticalfutures.com/russia-chinas-alliance-convenience-1/>, accessed 31.01.2019.

Simes D., Graham A. (2019) A Sino-Russian Entente Again Threatens America. *The Wall Street Journal*, January 29, 2019. Available at: <https://www.wsj.com/articles/a-sino-russian-entente-again-threatens-america-11548806978>, accessed 31.01.2019.

Suslov D.V. (2014) For the Long Haul. Global Aspects of the New Confrontation Between Russia and the United States. *Russia in Global Affairs*, November 11, 2014. Available at: <https://www.globalaffairs.ru/number/Vserez-i-nadolgo-17102>, accessed 31.01.2019 (in Russian).